Товары—народу

Речь пойдет о продаже бартерных товаров на территории комбината. Начало ей положено 19 марта. В ряду «первооткрывателей» стали сталеплавильщики, доменщики и коксохимики. Как это у них получилось?

ТОВАРНОЕ ПО... БОИЩЕ

— Больше всего я жалел, что не было у меня съемочной камеры... Такими словами встретил нас возле разбитых дверей конференц-зала бытовых мартеновских цехов Роберт Николаевич Михеев. В зале неторопливо наводили порядок еще несколько человек. Печальными издержками начала торговли в переделе стали покалеченные кресла и двери. В углах красного уголка возвышались бока коробок с четкими надписями «Маде ин...»

— Поздно вы пришли. Что тут вчера было! Мы, конечно, сами виноваты, неверно определили систему продажи. Объявили о начале ее по всем цехам, люди собрались из восьми цехов. Ажиотаж покупателей — он всюду одинаков, и у нас, как в магазинах, затрещали двери и чьи-то чубы, дошло до рукопашной. Микрофона, усиленного тремя динамиками, никто не слышал. Сколько мы ни обращались с просьбой успокоиться... Порядок мало-мальский навели в середине дня, продажу закончили часов в семь. И до последнего не расходились те, кто почему-то думал, что вот кончат продавать по талонам и спискам, продадут и без талонов. Никакие объяснения не помогали. Были и люди из смены, мы их, конечно, отсылали к рабочим местам. Пришли и отпускники и те, кто был выходной в этот день.

Надо систему продажи нарабатывать, конечно. А все же то, что товары «пришли» в цех, людям выгоднее. Я так думаю, мнение это многие разделяют. Но торговлю пока мы приостановили.

Слова о потрепанных нервах подтвердили многие работники сталеплавильного передела. Вывод: идея торговли в цехах хороша, да плохо продумана. Некоторые встреченные нами в переходе счастливые обладатели обувных коробок шутили: «Как бы теперь до дому живыми дойти...». Нет-нет, да мелькают в переходах характерные фигуры в варенках, только ведь не проверишь.

ЛЮБО-ДОРОГО

И никаких других слов после мартеновских «страстей» прийти в голову не могло, когда пришли мы в магазин коксохимиков». Ну, магазин, конечно, импровизированный, определенное «энное» место с громадными железными тройными дверями. А за ними — аккуратная светлая комната, улыбающиеся спокойные девчата за прилавком, чинная, не нервная, удивительно недлинная очередь. На подобие витрины выставлены товары. Перед торгующими девушками бумаги со списками по бригадам, где указана фамилия и наименование товара. Обращаемся к очередному покупателю:

— Что нужно, чтобы в эту очередь попасть?

— А вы здесь ничего не сможете купить, только для цехов коксохима. Вообще нас в цехах распросили, кому и чего нужно, каких размеров, мы подали заявления. По мере подачи образовалась очередь.

— Скажите, а я куплю, я тоже хочу костюм, и заявление есть?

Но фамилии женщины в списках не оказалось. Как решится проблема? Нам объяснили довольно просто. При следующем поступлении костюмов будет рассмотрено ее заявление и она сможет купить костюм. Хотя... если заявление она подала 70-й или 90-й, ей не удастся овладеть желанным костюмом. Пока охотников приобрести гораздо больше, чем самих костюмов, обуви, курток-спарок...

Удача коксохимиков объясняется просто. Они решили торговать товарами побригадно. Вывесили в каждом цехкоме списки с указанием места и времени продажи. Все получилось ладно. Только чуть «хулиганят» работники контор и пятой бригады: сбегают с рабочих мест, мелькают в очереди. И что еще немаловажно: в магазине своя «охрана» — обычно представитель какой-нибудь бригады.

Репортаж подготовили
Е. КОРОЛЕНКО и В. МАКАРЕНКО.

СТОЗЕВНО И ЛАЯЙ“,

рыночные отношения

на кого как судьба глянет.

Сама Валентина Георгиевна как пошла на стан оператором четырнадцати лет от роду, так до сих пор не может остановиться, хотя уже за пенсионный возраст давненько перевалила. В юные и молодые годы работала, потому что стране нужно было. А тут вроде и нажили все, честным трудом собрали крупицы семейного благополучия. Да только в один день все, заработанное десятилетиями, вынесли какие-то лихоимцы из квартиры Захаровых, все до последней смены белья. И опять все сначала.

Да только уж и силы не те, и здоровье. У мужа Валентины Георгиевны серьезное заболевание — только на одни лекарства большая часть пенсии уходит. И внучке помочь хочется, взрослая совсем, приданное бы собрать. Чтоб все, как у людей. Живут Захаровы скромно, копейке цену знают.

А в редакцию привела Валентину Георгиевну обида. «Почему люди не могут друг с другом по-человечески разговаривать, — спрашивала Валентина Георгиевна. — Терпимости почему не хватает, сочувствия?»

Знакомая ситуация, не правда ли? Походя, накричала продавец в магазине, глянули косо в какой-нибудь канцелярии.. А человеку много ль надо, чтобы настроение испортить, больное сердце растревожить? Тем более, если человек этот уже не молод и уже устал быть просителем. Наделенные же властью смотрят с укором, словно просить свое кровное, заработанное — грех величайший.

Вот и Валентину Георгиевну в собесе не выслушали, в отделе кадров не объяснили толком, невниманием обидели. И, наверное, уже давным-давно позабыли в сто седьмом кабинете отдела кадров седоволосую эту женщину в скромном старомодном пальто, как и не было ее. Только ей-то номер кабинета запомнится на всю жизнь, на все годы оставшиеся.

— Мне бы только сказали, что бумага ваша не совсем пропала, а вот-вот должна прийти в цех, где сейчас работаю, либо в отдел кадров. Дело ведь, сами понимаете, какое. В пенсионной книжке написали 187 рублей. Но денег-то пока нет. И я не одна такая. Недавно встретилась с Аннушкой Долгушиной, мы с ней на пятисотом стане с военных лет. Та же история. А ведь фотография ее бригады военных лет даже в музее висит. Только вот сама «история» ходит по кабинетам, деньги свои кровные выпрашивает.

Сейчас смотрю вокруг, за голову хочется схватиться: за видики, машины люди друг друга сгрызть готовы. А мне вот, ей богу, не надо всего этого. Да и многим из моего военного поколения всего не надо. Лишь бы здоровье было, да с протянутой рукой не ходить. Или мы этого не заслужили?

Что сахара дороже?

И этот монолог многодетной матери, работницы цеха Галины Ивановны Сидельцевой цеха эмальпосуды в особых комментариях не нуждается:

— Я сейчас в декретном отпуске. Приехала в цех за сахаром, а мастер заявляет, надо было раньше приезжать: мы твой сахар в бригаде разделили. А у меня трое ребятишек. Да, не смогла я в тот день, когда уже под вечер сообщили, из дому вырваться — трое все-таки. Неужели нельзя было найти десятку, чтобы за эти десять килограммов заплатить? Я ведь вернула бы деньги сразу. Нет, похоже, торопились сахар разделить. Как будто сами не женщины, не матери. Уж и так-то нам, декретницам, не всегда все перепадает.

Ко всему сказанному остается лишь добавить короткую справку: в марте на участке, где работает Г. И. Сидельцева, из двадцати двух «декретниц» четверо не смогли получить сахар, сорок килограммов бригада разделила между собой.

Почему среди десятков женщин не нашлось ни одной, которая замолвила бы слово за обделенных?

Заложники рынка

«Это диво, так уж диво!»—воскликнул бы герой известной сказки, узнав, что гуманнейшая из медицин — педиатрия — решила делать деньги. С одной стороны, вроде все правильно: медики тоже люди, жить и им хочется безбедно. Но с другой...

В редакцию позвонила бабушка Анечки Коробовой Н. Е. Суханова, работающая в УГМ:

— Перед школой возникла необходимость пройти девочке углубленный медицинский осмотр. В прежние годы врачи приходили в детский сад, тщательно осматривали ребятишек, давали рекомендации, советы по оздоровлению. Сейчас все осложнилось. В наш сто сорок восьмой садик врачи приходить отказались. Дочери, да и мне тоже, приходилось отпрашиваться с работы, чтобы сводить девочку ко всем специалистам. С этой проблемой пришлось столкнуться не только нашей семье. Что случилось?

Мы можем ответить бабушке Ани Коробовой однозначно: медицина перешла на хозяйственный расчет. Есть такое вжившееся уже выражение: хозрасчет предъявляет счет. Так вот, для начала он предъявил счет нашим детским садам. А предъявителями стали детские поликлиники города. Сначала третья, потом остальные. Заломили они такую цену, что у руководства отдела детских учреждений руки опустились: помилуйте, мы и так, благодаря новой экономической политике, стали обходиться комбинату уже не в девять, как прежде, миллионов рублей, а во все тридцать.

А тут еще масла в огонь подлило сообщение в нашей газете о «милосердной акции» врачей третьей детской поликлиники, проводивших медицинский осмотр детей работников прокатного производства. Акция, конечно, милосердная, если не учитывать, что и оплачивалась она по хорошим ставкам: семьдесят рублей за каждого ребенка. Благо, что у прокатчиков нашлись такие деньги и такой состоятельный спонсор, как ММК. А если мама ребенка работает на обувной фабрике, конвейер которой вынужден простаивать месяцами из-за нехватки сырья? Кто оплатит осмотр ее детей?

Как видим, вопросов поставлено много. И будет их возникать еще больше. И мы не сможем найти на них ответ, пока не разберемся в главном, с чего начинать отсчет: с человечности или с рубля, с тряпки импортной? Помните недавнюю свалку возле «Любавы», когда женщиной выдавили стекло витрины? Конец двадцатого века, а «Ходынка», похоже, не кончается.

Т. ГЕРАСИМОВА.

Лом—мартенам

С планом справились

По плану, утвержденному в декабре прошлого года, каждый цех должен ежемесячно собирать и отгружать на эстакады копровых цехов определенное количество тонн амортизационного металлолома. Для коллектива цеха ремонта металлургических печей это — 19 тонн в месяц, 55 тонн в квартал и 220 — в год.

В январе цех несколько недовыполнил свою норму сдачи, отгрузив в мартеновские цехи только 12 тонн металлолома. Зато в феврале сделал в три с лишним раза больше: 60 тонн. Два старых арматурных стека от крышек нагревательных колодцев перед блюмингом отправили на переработку работники ЦРМП № 2. Вес двух крышек 24 тонны, а это значит, с мартовским и квартальным планами по отгрузке лома цех уже справился.

На снимках (сверху вниз): неиспользованный металлолом на площадках горно-обогатительного, коксохимического и огнеупорного производств.

Фото В. Макаренко.